

День независимости

Продолжаем публиковать «роман в колонках» журналиста Олега Кашина. Все персонажи вымышлены, все совпадения случайны

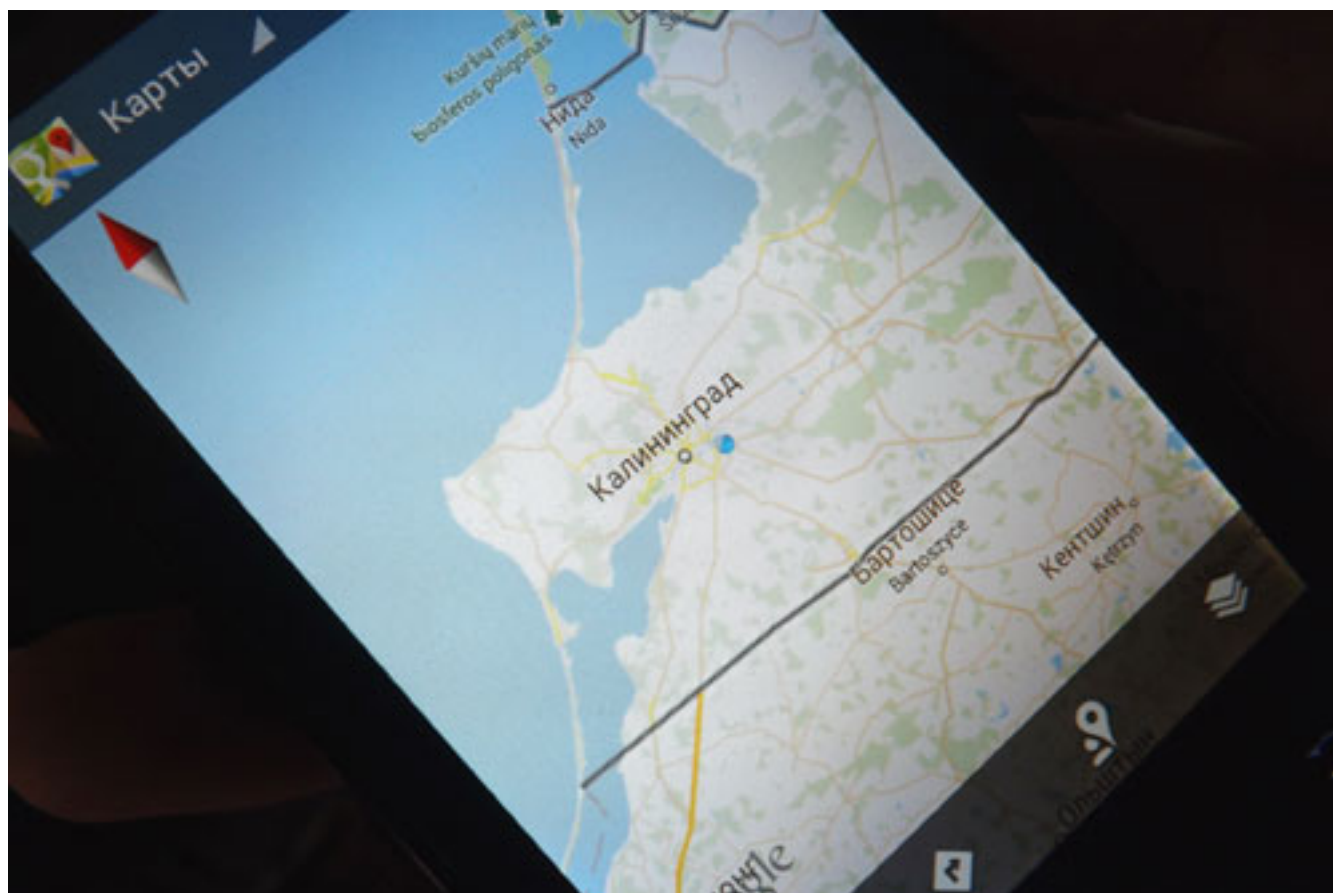
Глава 6

В вечерних «Вестях» был такой в парфеновском стиле сюжет: корреспондент застрял где-то посреди среднерусского пейзажа, холмы и церковь вдалеке, и вот он едет на «Приоре» (с машиной тоже был анекдот — сначала была «Калина», но начальство заставило переснимать, потому что на «Калине» ездил Путин, и это может быть неправильно воспринято), крутит руль и рассуждает, что вот, типичная российская дорога, колдобина на колдобине, и как раз на этих словах машина раз — и остановилась, непроходимая лужа, вперед ехать нельзя, и корреспондент вышел из машины, прямо ногами в лужу, крупный план, и зацокал языком: мол, вот она какая, Русь наша. А следующим кадром было — тот же корреспондент за рулем уже БМВ калининградской сборки мчится по какому-то хайвею мимо кирх и хуторов с аистинными гнездами на крышах и, подмигивая в камеру, говорит, что вот эта дорога от Калининграда до Зеленоградска обошлась федеральному бюджету в такую же сумму, как если бы надо было построить трассу от Москвы до Екатеринбурга, вот и думайте, нужно нам это или не очень.

Дальше показывали Соломона, но синхрона не было, Соломон просто пробежал по кадру, закрывая ладонью объектив камеры: мол, не буду я с вами разговаривать. Для достижения эффекта корреспондент «Вестей» пошел на хитрость — представился корреспондентом НТВ, назвал Соломона Семеном и сказал, что хочет взять у него комментарий на тему педофильского лобби в правительстве региона, но это все осталось за кадром, телезрители видели только Соломона, который не хочет общаться с федеральным телеканалом, потому что сепаратист. После Соломона показывали националиста Демушкина, обозначенного в титрах как бывший кандидат в мэры Калининграда, что, между прочим, было правдой — в прошлом году он действительно хотел выдвигаться и даже приезжал, но что-то не получилось, и теперь Демушкина снимали в Грозном, он стоял в вышитой косоворотке на фоне полусгоревшего

небоскреба и печально говорил, что, к сожалению, в Калининграде давно уже сложился новый субэтнос, уже мало общего имеющий с русскими и представляющий ему, Демушкину, отрезанным ломтем.

— Знаете, вот здесь, в Чеченской республике, такого чувства у меня нет, — вздыхал в камеру националист. — Это Россия, люди здесь любят Россию и остаются ей верны, а там... Наглые, жадные, ленивые. Я бы сказал: край неприятных людей. Потомки авантюристов, которые в конце сороковых годов съехались туда со всего Советского Союза — отбросы, люди, которые никому не были нигде нужны. Сейчас их потомки плюют в сторону России — да и пусть плюют. Вы знаете, вот говорят у нас: хватит кормить Кавказ, и это, я считаю, антироссийская позиция. А вот хватит кормить Калининград — под этим бы я подписался.

На экране появились какие-то диаграммы с цифрами, из которых следовало, что Калининградская область обходится российским налогоплательщикам примерно как две Чечни. Финальный стендап корреспондента — стоя на фоне, как и полагается, Кафедрального собора, он сказал, что так и не смог понять, почему наша страна должна содержать эту бессмысленную и чужую землю. Дальше был сюжет про суд Навальным, Соломону было неинтересно, он выключил.

После московских приключений, о которых он пока так и не рассказал вообще никому, ни жене, ни президенту, бывшему губернатору, план, который они в общих чертах придумали с российским президентом и его веселым пресс-секретарем, начал

действовать практически немедленно: поезд до Калининграда идет почти сутки, и пока Соломон ехал, все уже началось.

Какой-то блогер написал, что Иммануил Кант был гей. Потом по радио сказали, что янтарь в больших количествах может вызвать импотенцию, а в Калининградской области сосредоточено 90 процентов мировых запасов янтаря. Потом депутат Исаев, отвечая в Госдуме на вопрос какой-то журналистки, сначала спросил ее: «А вы не из Калининграда?» Такие вопросы (девушка спрашивала что-то неудобное про недвижимость) только калининградцы могут задавать, но ничего, мы их еще выгоним из нашей страны, вы подождите. Потом отец Всеволод Чаплин, ссылаясь на недавнюю свою беседу с патриархом, поделился его воспоминаниями про девяностые — патриарх тогда был Калининградским и Смоленским митрополитом и до сих пор не может забыть, как разительно отличались люди в двух половинах митрополии. Смоленские — добрые, честные, трудолюбивые, а калининградцы по сравнению с ними — как гаитяне по сравнению с жителями Доминиканы, про которых давно известно, что одни живут хорошо и счастливо, а других Всевышний всячески карает.

— Говорят, они отделяются, — добавил Чаплин. — Что ж, Бог им судья. Как говорили на Руси, паршивую овцу из стада вон.

На следующий день Соломон узнал, что в Москве есть калининградское землячество — узнал он об этом из телеграммы, которую прислали ему в министерство сами члены землячества, которые, обращаясь к Соломону как к министру иностранных дел республики (признали, значит, — хихикнул Соломон), просили считать их теперь москвичами, потому что калининградцами в такой обстановке они себя считать не хотят. Вечером того же дня в Москве у представительства почему-то Евросоюза прошел пикет прокремлевских молодежных организаций под лозунгом «Чужой земли мы не хотим ни пяди.» — именно так, с точкой, понимаете как хотите.

Потом Лимонов в «Известиях» написал «Лимонку в Калининград»: «Тевтонские леса, грибы-мухоморы и оловянные небыстрые реки с одеялами гнуса над ними. Чужая земля, в буржуазном угаре решившая стать белоленточной республикой. Общечеловеческие ценности сделали из них глупых чудовищ. Ну и пускай катятся. Севастополь русский город, Рига русский город. Кенигсберг русским городом не был и не будет».

Что-то происходило; салатным маркером закрашивая в своем кабинете на карте бывшую область поверх розового, — получалось что-то бурое, но, что важно, уже совсем другой цвет, чем туша большой России, — Соломон спрашивал себя, зачем русским понадобилась эта игра. Даже в детсадовском детстве, когда его начали дразнить

евреем, Соломон не научился говорить о русских в третьем лице — «они», а сейчас пожалуйста, все очень естественно: зачем им это понадобилось?

Ушастый силуэт региона на карте стал совсем почти черным, Соломон елозил по нему маркером — не понимал, не понимал.